

ДУЭЛЬ, или ЧЕРВОНЕЦ

Поэт Геннадий Колесников имел много слабостей, или, мягко говоря, пристрастий. Любил выпить, взять в долг, поиграть на тотализаторе, потравить байки с коллегами-литераторами, ценил женский пол. Неохотно отдавал долги. Эту его особенность знали и прощали. Неплохо играл в шахматы, иногда и шашкам отдавал досуг. На этой почве и состоялась наша необычная дуэль.

Был воскресный день. Я столкнулся с ним на перроне Пятигорского вокзала.

– Старик, еду на скачки, займи червонец, в четверг отдам. А лучше два.

– Где я тебя увижу в четверг? – ухмыльнулся я.

– В конторе, а если тебя не будет, оставлю Вальке Герасимову.

Конторой с легкой руки Колесникова принято было называть редакцию краевой курортной газеты «Кавказская здравница», где Валентин Герасимов работал заведующим отделом культуры.

Оба мы появлялись в «конторе» эпизодически. Колесников печатал подборки своих стихотворений, иногда на скорую руку сочинял что-нибудь, ради гонорара. А я вел шашечный отдел.

С червонцем я расстался, решив про себя: «Ладно, считай потерял».

Но вышло по-другому. В пятницу захожу в редакцию, сталкиваюсь с Валентином, и тот рассказывает:

– Вчера был Колесников. Трезвый. Протянул мне червонец, велел тебе отдать. А через час приходит снова: «Валь, дай мне тот червонец, я тебе другой принесу». Я знал, что если отдам, то с концами... В общем, старина, извини, но ты своего червонца, наверное, не увидишь.

Прошли месяцы. О червонце я давно забыл, как вдруг сам Колесников напомнил о нём. Мы столкнулись на лестнице в Белом доме, Гена шел в компании двух редакционных гурий, что-то им рассказывал, они то вместе, то поочередно смеялись. Увидев меня, он оборвал себя на полуслове:

– Старик, когда ты нас кофеем угостишь? На тот червонец, который ты мне должен?

Дамы дружно улыбнулись.

– Какой червонец? Который ты у меня занял?

– Так это я тебе должен? – взгляд его выражал невинность и удивление.

– А я думал, ты мне. Ну, тогда извини. Вот получу гонореею и отдам.

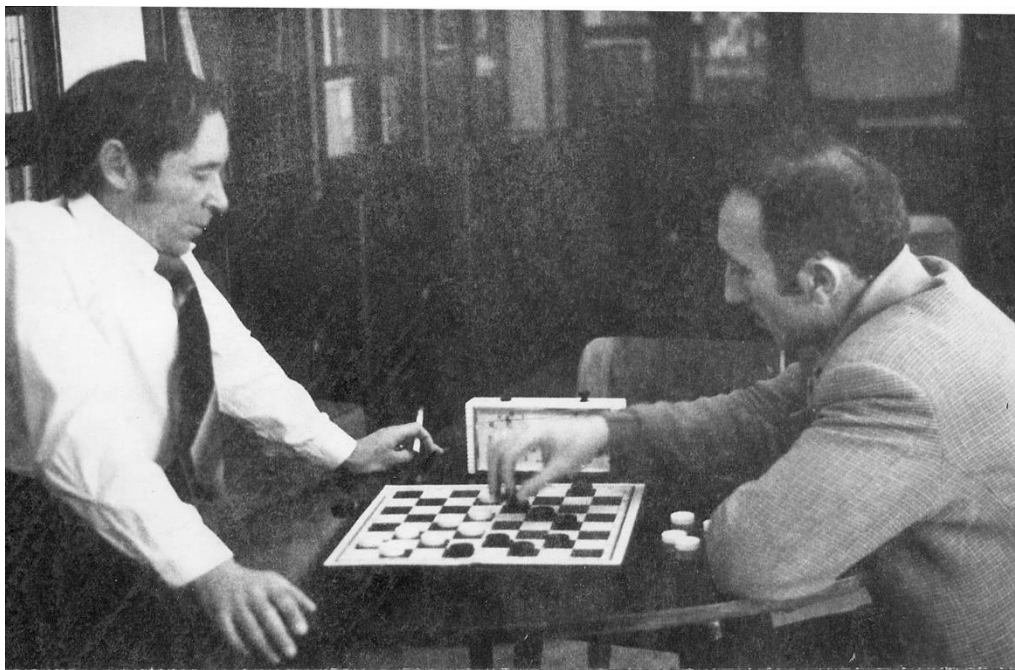
Гонореей он называл гонорар.

Прошло еще сколько-то времени. Был день выплаты гонорара. В просторной библиотеке, которая служила одновременно рабочим кабинетом редакционного художника и фотографа Николая Пухлова, Гена томился, дожидаясь прихода кассирши из банка. Короче, как в известном детском стишке нашего не менее известного земляка, делать было нечего. А скуку Колесников не выносил.

- Давай сыграем с тобой в шашки, полтинник партия.
- Я профессионал, ты любитель, это же будет игра в одни ворота. К тому же у тебя денег нет.
- А ты мне дашь фору две шашки, а лучше три.
- Ну, с тремя шашками ты и чемпиона мира можешь обыграть. Это несерьезно. Впрочем, я могу дать фору по времени: тебе 10 минут на партию, а мне – 10 минут на 10 партий.
- Идёт, – воодушевился он.
- А где мы шахматные часы возьмем?
- У меня есть, – подал голос из-за стола Пухлов.

Надо сказать, что условия я выговорил явно выгодные для себя: при большой разнице в квалификации фактор времени почти не играет роли. Но Гена был человек увлекающийся, и азарт брал в нём верх над здравым смыслом. Я думаю, в этом и была причина его частых проигрышей на бегах.

Играли мы долго, до самого открытия кассы. Пухлов, бросив работу, стоял возле нашего стола в позе строгого арбитра. Затем отошел, и раздался щелчок. «Для истории», – сообщил он, пряча фотоаппарат.

Г. Колесников – В. Кочаров

Матч закончился плачевным для Гены итогом: проиграл он, по подсчетам судьи Пухлова, около 20 рублей.

- И чем будем расплачиваться? – спрашиваю с издёвкой.
- Сейчас, бабки получу, там Лилька, наверное, пришла.
- Принёс три рубля: «Остальное потом».
- У Пухлова вытянулось лицо:
- Первый раз вижу Колесникова отдающим деньги.

И еще одна стычка у нас случилась. Все там же, в редакции, куда заявился Гена крепко навеселе. И вновь, завидев меня, пристал с вопросом, когда верну долг.

Ну, думаю, достал окончательно. Надо положить этому конец.

Пошёл к Виктору Земскову, самому близкому мне человеку в редакции. Замечательный журналист, добрейший парень. Конечно, любитель выпить, как почти все талантливые люди.

– Витя, хочу написать эпиграмму на Колесникова да материала не хватает. Ты не можешь подкинуть мне пару фактов из его биографии?

– Да о нём всем всё известно.

– Но кроме того, что он ездил по заданию радиостанции «Юность» на БАМ, в Карпаты, ещё куда-то, я ничего не знаю.

– Ну вот такой случай: он однажды телефон избил.

– Телефон избил? Это оригинально даже для Колесникова...

– В вытрезвитель попал. В общем, после хорошей попойки в ресторане надумал Гена в полночь позвонить какой-то барышне. Опустил в автомат две копейки, тот проглотил – и молчит. Выскреб еще одну монету, опустил – тот же результат. И набросился на телефон с криком «Ах ты, сука, подлец, негодяй!».

Здесь Витя употребил более крепкие выражения, а уж какими эпитетами награждал бедный телефонный аппарат поэт Колесников, спросить бы милиционеров, сбежавшихся на шум. Да где их найти? Сейчас все сплошь менты, представители романтической профессии, сами с гордостью говорят: «я – мент», а в те годы слово «мент» было жутким оскорблением.

Что ж, материал скудный, но «сатира» получилась.

– Гена, – ловлю его в коридоре, – я стишок сочинил. Оцени как мастер. Если понравится, посвящу тебе.

Зашли в библиотеку, и я продекламировал, почти спел, на мотив симоновской «От Москвы до Бреста / Нет такого места / Где бы ни скитались мы в пыли»:

От Карпат до БАМа
Долго и упрямо
Ты шагал с пером наперевес.
Пропивал банкноты,
Чушь писал в блокноты,
Даже в драку с телефоном лез.

Выбрось все бумажки,
Давай сыграем в шашки,
А если проиграешь, дорогой,
Напишешь ты поэму
На шашечную тему,
Тем и считаешься со мной!

– Старик, молодец! Настоящий Александр Иванов! Ну-ка дай мне что-нибудь.

Схватил подвернувшийся под руку карандаш и приписал:

Я знаю, все на свете ашарашки
Мен-н-ня всегда обыгрывали в шашки!

Так и закончилась наша литературная дуэль – вничью.

Геннадий Михайлович Колесников (12 марта 1937, Пятигорск – 9 сентября 1995) – русский советский поэт. Многие его стихи стали песнями, они неоднократно исполнялись по Центральному телевидению и радио.